

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1343–1356, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

Особенности графо-фонетики калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. (на материале словарей Г. Ф. Миллера (1760–1762) и Б. Бергмана (1804–1805))

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo[at]list.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Мирзаева С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В изучении исторической фонетики калмыцкого языка особую ценность представляют лексикографические источники по старокалмыцкому языку. К наиболее ранним материалам подобного рода можно отнести словники немецких ученых второй половины XVIII – 20-х гг. XIX в., которые в указанный период активно занимались изучением языков народов России, в том числе калмыков. Эти источники представляют особую ценность для лингвистов, поскольку представляют собой записи разговорного языка, сделанные «сторонними» наблюдателями, не знакомыми с правилами передачи устной речи на ойратской (старокалмыцкой) письменности. Такие записи могут более точно отражать фонетические особенности калмыцкого языка рассматриваемого периода по сравнению с письменными памятниками, которые обычно демонстрируют классическую, литературную форму языка. *Цель* статьи — анализ графо-фонетических особенностей калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. *Материалами* исследования выступили словарные списки, составленные Герхардом Дёрфером на основе трудов Г. Ф. Миллера «Sammlung Russischer Geschichte» (1760–1762) и Б. Бергмана «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» (1804–1805) и опубликованные им в книге «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte» (1965). Словники, набранные в формате Excel, содержат авторские написания калмыцких слов, немецкий перевод, современные литературные формы и перевод на русский язык. Материалы были загружены на платформу Lingvodoc для сравнительно-сопоставительного анализа с прамонгольскими рефлексациями и формами современного литературного калмыцкого языка. *Результаты.* Исследование графо-фонетической системы калмыцкого языка, представленной в материалах Г. Ф. Миллера и Б. Бергмана, позволяет сделать следующие выводы: во всех привлеченных в ходе исследования словарях (включая также материалы П. С. Палласа и Ю. Г. Клапрота) присутствуют такие архаичные черты калмыцкого языка рассматриваемого периода, как соответствия *o* — лит. калм. *ø*, *ai* — лит. калм. *a*, *u* — лит. калм. *y*, совпадающие с прамонгольскими формами, и инновационные соответствия *e* — лит. калм. *ø* (ПМонг **ö*), *ä* — лит. калм. *e*, *ï* — лит. калм. *ø* и *o* — лит. калм. *y*, отличающиеся как от прамонгольского, так и от современного калмыцкого языков. Можно предположить, что они были характерны для калмыцкого языка второй половины XVIII – первой половины XIX в. в целом, а не для отдельных диалектов. Что касается согласных, соответствие *k / c* — лит. калм. *x* присутствует

лишь у Г. Ф. Миллера, причем в ряде случаев отмечены двойные варианты написания с [k] и [ch] (например, *kogur / chojor, kori / chori*). Это может говорить о том, что данная архаичная черта начала стираться к 60-м г. XVIII в., а к началу XIX в., т. е. ко времени составления словников Б. Бергмана и Ю. Г. Клапрота, практически исчезла, поскольку в них данное соответствие встречается только в написании глагольного аффикса *-kō*. Соответствия *tz* — лит. калм. *ч* и *sch* — лит. калм. *ч* выявлены и у Г. Ф. Миллера, и у Б. Бергмана, что позволяет рассматривать их как фонетические особенности калмыцкого языка рассматриваемого периода. Некоторые из установленных на материале словников соответствий (*б* — лит. калм. *ө, э* — лит. калм. *ө, о* — лит. калм. *ө, и* — лит. калм. *у, ö* — лит. калм. *у, о / oo* — лит. калм. *у*) наблюдаются в современных бузавском и дербетском говорах калмыцкого языка, а также в оренбургском и уральском подговорах.

Ключевые слова: Г. Ф. Миллер, Б. Бергман, словник, графо-фонетический анализ, калмыцкий язык XVIII–XIX вв., прамонгольский язык, соответствия, Lingvodoc, инновация, архаизм

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Мирзаева С. В. Особенности графо-фонетики калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX в. (на материале словников Г. Ф. Миллера (1760–1762) и Б. Бергмана (1804–1805)) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 6. С. 1343–1356. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

On Some Graphophonetic Features of Old Kalmyk, Mid Eighteenth to Early Nineteenth Centuries: Analyzing Kalmyk Wordlists by G. F. Müller (1760–1762) and B. Bergman (1804–1805)

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabof[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2024
© Mirzaeva S. V., 2024

Abstract. Introduction. Lexicographic sources in Old Kalmyk are of particular importance for studies of Kalmyk historical phonetics. Such earliest sources include a variety of dictionaries and wordlists compiled by German scholars engaged in the research of Imperial Russia's peoples — including Kalmyks — and languages between the mid-eighteenth and early nineteenth centuries. The definite linguistic value is that those are records of colloquial language made by 'external' observers unfamiliar with oral-to-writing rules inherent to Oirat (Old Kalmyk) Script. If compared to written texts from the same period usually characterized by classical/literary language forms, such records would reflect the then Kalmyk phonetic features in a more accurate manner. *Goals.* The paper attempts an analysis into grapho-phonetic peculiarities inherent to the Kalmyk language throughout the mid-eighteenth to early nineteenth centuries. *Materials and methods.* The study focuses on Kalmyk wordlists compiled by G. Doerfer (*Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte*, 1965) from G. F. Müller's *Sammlung Russischer Geschichte (1760–1762)* and B. Bergman's *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803 (1804–1805)*. The wordlists have been formatted to MS Excel, each entry to contain the authors' spelling, German/Russian translations, and a modern literary form — to be further uploaded onto the LingvoDoc platform for comparative analysis with Proto-Mongolic and contemporary standard Kalmyk patterns. *Results.* The insight into the Old Kalmyk graphophonetic system articulated in G. F. Müller and B. Bergman's publications makes it possible to conclude as follows. All the involved dictionaries and wordlists (including ones by P. S. Pallas and J. H. Klaproth) contain some archaic features of Old Kalmyk (from the examined period) that coincide with Proto-Mongolic forms (*o* — std. Kalm. *ө, ai* — *a, u* — *у*), and innovative ones (*e* — std. Kalm. *ө* (Proto-Mongolic **ö*), *ä* — *e, ü* — *ө, o* — *у*) that differ from both Proto-Mongolic and modern Kalmyk. It can be assumed that these were characteristic of Old Kalmyk in the mid-eighteenth to mid-nineteenth centuries at large — and not just for individual dialects. As for the consonant system, the correspondence *k/c* — std. Kalm. *x* is present only in G. F. Müller's materials, where one can also

find double spelling patterns for some lexemes with [k] and [ch] (e.g., *kogur / chojor, kori / chori*). This may indicate the archaic feature started to vanish in the 1760s and virtually disappeared by the early nineteenth century, since in materials of B. Bergman and J. H. Klaproth the correspondence can be traced only in spelling patterns of the verbal affix *-kö*. The correspondences *tz — std. Kalm. ч* and *sch — ч* have been discovered in both G. F. Müller and B. Bergman's wordlists, which attests to these be viewed as phonetic features of Old Kalmyk from the period under consideration. Some correspondences identified in the examined wordlists (*b — std. Kalm. в, е — ө, о — ө, и — ү, ö — ү, о / oo — у*) are found in modern Buzava and Dorbet dialects, as well as in Orenburg and Ural subdialects.

Keywords: G. F. Müller, B. Bergman, dictionary, grapho-phonetic analysis, eighteenth-nineteenth century Kalmyk, Proto-Mongolic language, correspondences, LingvoDoc, innovation, archaism

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Mirzaeva S. V. On Some Graphophonetic Features of Old Kalmyk, Mid Eighteenth to Early Nineteenth Centuries: Analyzing Kalmyk Wordlists by G. F. Müller (1760–1762) and B. Bergman (1804–1805). *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1343–1356. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1343-1356

1. Введение

XVIII век стал важным периодом для развития востоковедческой науки в России. В это время исследователи немецкого происхождения, приехавшие в страну, начали активно изучать языки многонационального российского государства. Среди них выделяются такие имена, как П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер и другие, чьи труды содержат ценные этнографические заметки и лингвистические данные о языках народов России, в том числе о калмыцком языке. Среди авторов словарных материалов по калмыцкому языку, дошедших до нашего времени, можно упомянуть Н. Витсена (1641–1717), Г. Шобера (1670–1739), Ф. И. Страленберга (1676–1747), И. Х. Шнитшера (годы жизни неизвестны), Г. Ф. Миллера (1705–1783), П. С. Палласа (1741–1811), И. П. Фалька (1732–1774), Б. Бергмана (1772–1856), Ю. Г. Клапрота (1783–1835) и Г. А. Цвика (1796–1855). Работы этих авторов были выявлены Г. Дерфером в фондах библиотеки Гёттингенского университета и опубликованы в книге «Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachengeschichte» [Doerfer 1965]. Эти материалы представляют особую ценность, так как являются записями живого языка того времени, выполненными «сторонними» наблюдателями, не знакомыми с нормами передачи устной речи на старокалмыцком «ясном письме». Поэтому, как мы предполагаем, они более точно отражают фонетические особенности

калмыцкого языка данного периода по сравнению с корпусами письменных текстов, в которых, как правило, представлена классическая, книжная форма языка.

Существующие в современном калмыковедении исследования лексикографических источников посвящены вводу в научный оборот самих памятников и исследованию различных аспектов двуязычных словарей на русском и калмыцком языках [Бембеев 2015; Бембеев, Куканова 2014; Куканова и др. 2012; Куканова, Бембеев 2012; Куканова и др. 2013; Куканова 2013; Мулаева 2012; Мирзаева, Долеева 2022; Долеева, Куканова 2024 и др.]. Тем не менее из перечисленных словарей только словарь П. С. Палласа был подробно рассмотрен в статье [Манджиева, Куканова 2023]. Данная публикация имеет целью продолжить исследование словарных материалов по калмыцкому языку из издания Г. Дёрфера на материале словарей Г. Ф. Миллера¹ (1760–1762) и Б. Бергмана² (1804–1805) в целях дальнейшего более комплексного исследования исторической грамматики калмыцкого языка XVIII–XIX вв. В рамках сравнительно-сопоставительного

¹ Словарь калмыцкого языка Г. Ф. Миллера (1760) [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8801/1/perspective/8801/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

² Словарь калмыцкий Бергманна 1804–1805 [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8801/1/perspective/8801/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

анализа также привлечены материалы словарей П. С. Палласа¹, датируемых 1771, 1776–1801, 1787–1789 гг., и словаря языка олётов Волги и Джунгарии Ю. Г. Клапрота², датируемого 1823 г., в отдельных случаях — И. П. Фалька³ и Ф. И. Страленберга, загруженных на платформу Lingvodoc⁴. Кроме того, в качестве надежной реконструкции прамонгольских лексем использована работа Х. Нугтерена [Nugteren 2011].

2. Материалы

2.1. Словник Г. Ф. Миллера: общая характеристика

Первый из рассматриваемых словарей принадлежит перу Герхарда Фридриха Миллера (Мюллера) (1705–1783), путешественника-исследователя, историографа, вице-секретаря Российской академии наук с 1728 г. по 1730 г. Он включает 191 слово (в издании 1760 г. 169 слов, в издании 1762 г. — 21 слово) и составлен Г. Дёрфером на основе многолетнего труда Г. Ф. Миллера «Sammlung Russischer Geschichte» (тома №№ 4 (1760) и 7 (1762)). Как указывает сам Г. Ф. Миллер, в издании 1760 г. он использовал материалы И. Х. Шнитшера, 1762 г. — Г. Шобера [Doerfer 1965: 13–14]. Также он упоминает, что в 3-й том (1758) он включил большой калмыцкий словарь, материалы для которого были собраны им собственноручно в 1733 г.⁵ [Doerfer 1965: 14].

Слова в материалах 1760 г. распределены тематически:

¹ Словарь Палласа калмыцкий 1787-1789 [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8799/1/perspective/8799/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

² Калмыцкий словарь Klaroth_Ölötisch an der Wolga 1823 [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8799/1/perspective/8799/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

³ Немецко-калмыцкий словарь Фалька (1785-1786) [электронный ресурс] // URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/8815/1/perspective/8815/2/view> (дата обращения: 15.08.2024 г.).

⁴ Поскольку материалы словарей загружены на Lingvodoc, страницы с приводимыми примерами не указываются.

⁵ Материалы в 3-м томе 1758 г. издания не обнаружены [Müller 1958]

1) в начале идут обозначения месяцев в соответствии с 12-летним животным циклом: *duker* ‘январь’ (лит. калм. *үкр*), *bars* ‘февраль’ (лит. калм. *бар*), *tolai* ‘март’ (лит. калм. *туула*), *lut* ‘апрель’ (лит. калм. *лу*), *togoi* ‘май’ (лит. калм. *моһа*), *tori* ‘июнь’ (лит. калм. *мөрн*), *choni* ‘июль’ (лит. калм. *хөн*), *meĭin* ‘август’ (лит. калм. *мөчн*), *taka* ‘сентябрь’ (лит. калм. *така*), *nochoi* ‘октябрь’ (лит. калм. *ноха*), *gachai* ‘ноябрь’ (лит. калм. *һаха*), *chuluguna* ‘декабрь’ (лит. калм. *хулһн*);

2) далее следуют числительные: обозначающие единицы — *nege* ‘один’ (лит. калм. *негн*), *chojor* / *kogur* ‘два’ (лит. калм. *хойр*), *gurba* ‘три’ (лит. калм. *хурвн*), *derbö* ‘четыре’ (лит. калм. *дөрвн*), *tabu* ‘пять’ (лит. калм. *тавн*), *surga* ‘шесть’ (лит. калм. *зурһан*), *dolo* ‘семь’ (лит. калм. *долан*), *naima* ‘восемь’ (лит. калм. *нәәмн*), *gessu* ‘девять’ (лит. калм. *йисн*), *arba* ‘десять’ (лит. калм. *арвн*); обозначающие десятки — *korin* ‘двадцать’ (лит. калм. *хөрн*), *gutzu* ‘тридцать’ (лит. калм. *хучн*), *detzu* ‘сорок’ (лит. калм. *дөчн*), *tabu* ‘пятьдесят’ (лит. калм. *тәвн*), *dsera* / *seran* ‘шестьдесят’ (лит. калм. *жирн*), *dala* ‘семьдесят’ (лит. калм. *далн*), *naŋa* / *naga* ‘восемьдесят’ (лит. калм. *найн*), *ure* / *gere* ‘девяносто’ (лит. калм. *йирн*); обозначающие сотни — *so* ‘сто’ (лит. калм. *зун*), *kagur so* ‘двести’ (лит. калм. *хойр зун*), *gurbo so* ‘триста’ (лит. калм. *хурвн зун*), *derbe so* ‘четыреста’ (лит. калм. *дөрвн зун*), *tabu so* ‘пятьсот’ (лит. калм. *тавн зун*), *surga so* ‘шестьсот’ (лит. калм. *зурһан зун*), *dolo so* ‘семьсот’ (лит. калм. *долан зун*), *naima so* ‘восемьсот’ (лит. калм. *нәәмн зун*), *gessu so* ‘девятьсот’ (лит. калм. *йисн зун*); обозначающие тысячи — *minga* ‘тысяча’ (лит. калм. *миңһн*), *kagur minga* ‘две тысячи’ (лит. калм. *хойр миңһн*), *gurban minga* ‘три тысячи’ (лит. калм. *хурвн миңһн*);

3) завершают словарь базовые фразы для диалога (*menu* ‘привет’ (лит. калм. *менд*), *sayn ödür* ‘добрый день’ (лит. калм. *сән өдр*), *menu amor connevo* ‘Как дела? букв. Хорошо ли Вы спали?’ (лит. калм. *менд амр хонвт?*), *Yo kineta?* ‘Что делаете?’ (лит. калм. *ю кенәт?*), *Schi / ta menu beine?* ‘Как ты поживаешь?’ (лит. калм. *Чу / та*

менд *бээнэч / бээнт*), *Ike unete* ‘Очень дорого’ (лит. калм. *ик унтэ*) и т. д.) [Doerfer 1965: 203–206].

Калмыцкие материалы Г. Ф. Миллера 1762 г. издания включают, как указано выше, 21 слово, в числе которых повторяются числительные первого порядка от 1 до 10, причем написания отличаются от словника 1760 г. и более приближены к классическому варианту: *negen, choiür, gurban, dörbön, tabun, ssurgan, dolon, naiman, jessun, arban*, также в него включена общепотребительная лексика: *burchan* ‘Бог, Будда’, *kün* ‘человек’, *tologoi* ‘голова’, *chamar* ‘нос’, *kelek* ‘язык’, *kübiin* ‘мальчик, сын’, *köökön* ‘девочка, дочь’, *zagan* ‘белый’, *nogon* ‘зеленый’, *kokö* ‘синий’, *ulan* ‘красный’ [Doerfer 1965: 206–207].

2.2. Словник Б. Бергмана: общая характеристика

Второй рассматриваемый в данной публикации словник составлен на материале четырехтомного труда Бенджамина Фюрхтеготта Бальгазара фон Бергмана (1772–1856) «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах» [Doerfer 1965: 16]. Изучение калмыцкого языка Б. Бергман начал в 1799 г. во время пребывания в колонии гернгутеров в Сарепте под руководством Конрада Нейца. По результатам пятнадцати месяцев, прожитых среди волжских калмыков, им было составлено указанное сочинение, которое было издано в Риге в 1804 г. и сделало автора известным в Европе (см. подробнее: [Митруев 2020]).

Словник включает 299 слов из разных лексико-семантических групп: административная, религиозная, бытовая лексика, наименования продуктов и напитков и пр., отдельные фразы «*Amar tapta mändässun chonobuta*» («Как Ваши дела?», букв. ‘Спали ли Вы хорошо и мирно?’), «*chatsch! chatsch!*» («хач-хач’, междометие для подгона верблюдов), «*mändu*» («привет»), «*churruchuru*» («хуру-хуру’, слова, произносимые во время ритуала огненного подношения), «*aezägiñ machan idä*» («будь ты проклят!», букв. ‘ешь плоть своего отца!’), «*bassa källä!*» («Скажи еще»), «*baisa! baisa!*» («Постой, стой») и пр. [Doerfer 1965: 238–241].

Словник Б. Бергмана содержит интересные термины, которые могут дать представление об административной структуре буддийских монастырей (*dsurchaitschi* ‘астролог’, *ototschi / aemtschi* ‘врач’, *baktshi* ‘учитель’, *ghäpkü* ‘лама, отвечающий за дисциплину’, *undsad* ‘лама, возглавляющий ритуал, запевала’, *arschaantschi* ‘лама, ответственный за подношение аршана’, *burchatschi* ‘лама, ответственный за уход за алтарем’, *dungatschi* ‘лама, играющий на раковине во время молебна’, *gäzzull* ‘монах-гецул’, *mandschi* ‘послушник’, *ubuschi* ‘практик-мирянин’, *ubussunza* ‘мирянка-практикующая’, *tschäbagantsi* ‘женщина, принявшая монашеские обеты’, *süßükte* ‘верующий’, *dajanntschi* ‘отшельник’), буддийских ритуальных сочинениях (*altan saba* ‘золотой сосуд’, *gärrijn* (правильно *garigiyin*) *jassool* ‘исправление [неблагоприятного с помощью] созвездий’), основных калмыцких праздниках (*sulla* ‘Зул’¹, *zagaan* ‘Цаган [Сар]’², *ueriß* ‘Урюс’³, *schitäni ildkänäj* ‘празднество изображений’⁴, *ussunarschaan* ‘Усн Аршан’⁵), кухне (*budaan* ‘мучная каша’, *boorzäck* ‘пирог’⁶, *bodmanzäck* ‘картошка’, *günätschigan*, *airak*, *bäfbrik*, *köörzick* ‘разновидности кумыса из молока кобылицы’, *aesägä* ‘творог’, *oedmök* ‘закваска на основе перемолотого зерна и молока’⁷) и даже досуге калмыков того времени (*kösör* ‘игральные карты’, *bambil* ‘памфил, карточная игра’⁸, *narr* ‘игра триктрак, разновидность игры в нарды’⁹, *mikbak* ‘китайская игра с камушка-

¹ Празднование Нового года, устраиваемое в 25-й день месяца коровы (нем. Neujahrsfest am 25. des Rindermonats).

² Новый год, отмечаемый в феврале (нем. [Fest] Mitte Februar).

³ Празднование в честь рождения Будды, устраиваемое с 8-го по 15-й день первого летнего месяца (нем. vom 8–15. des ersten Sommermonats, zu Ehren der Empfängnis des Buddha).

⁴ Нем. Bilderfeier.

⁵ Празднование в честь появления на небе одноименной звезды, устраиваемое в начале-середине сентября (нем. Fest zu Ehren des Aufgangs des Gestirnes gleichen Namens, gefeiert Anfang und Mitte des September).

⁶ Нем. Kuchen.

⁷ Нем. Branntweintreber mit frischer Milch vermischt.

⁸ Нем. Pamphil (Art Kartenspiel).

⁹ Нем. Tricktrack-Spiel.

ми¹, *baki* ‘игра с костяшками, альчики (?)’²).

Словник также включает имена будд, бодхисаттв и других божеств буддийского пантеона, что свидетельствует о том, что Б. Бергман использовал как устные записи, так и письменные источники, касающиеся буддийской космологии. Здесь можно встретить не только имена основных будд и бодхисаттв тибето-монгольского буддизма (*Burchan baktshi* ‘Будда Шакьямуни’, *Baidari / Maidari* ‘Майтрея’, *Manschuschari* ‘Манджушри’, *Nidubär uesätschi / Chonschim bodiḡadoh* ‘бодхисаттва Авалокитешвара’, *Nojon Dara aeckä* ‘Зеленая Тара’, *Zagaan Dara aeckä* ‘Белая Тара’, *Otschirbani* ‘Ваджрапани’), но и менее известные в буддологической литературе имена трех будд, предшественников исторического Будды Шакьямуни, в дословном переводе с тибетского: Бергм. *ortschillongjn-äbdüchtschi* — классич. ойр. *orčilonggiyin ebedüqči* (от тиб. санскр. *Krakucchanda*), *altan tschidiktschi* — классич. ойр. *altan čidaqči* (от тиб. *gser thub*, санскр. *Kanakamuni*), *gärräl ssakiktschi* — классич. ойр. *gerel sakiqči* (от тиб. ‘*od srungs*, санскр. *Kāśyapa*).

Особый интерес представляют два примера, иллюстрирующие наличие категории почтительного стиля, характерной только для буддийских текстов, переведенных с тибетского. В данном случае речь идет о двух словах со значением «пища»: *schüḡänn* (классич. ойр. *šigüsün*) и *chotto* (классич. ойр. *xoto*), которые Б. Бергман различает как *Speise der Vornehmen* (‘еда для богачей’) и *Speise der Geringen* (‘еда для бедняков’).

Оба словника были загружены на платформу Lingvodoc, где с помощью опции анализа когнатов в диалектах одного языка словоформы были связаны с формами литературного калмыцкого и прамонгольского языков. В результате программа построила ряды фонетических соответствий. В результате анализа полученного материала с использованием описательного и сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены отличия от современного калмыцкого языка, которые в случае совпадения лексем в рассматриваемых словниках с прамон-

гольской формой определены как архаизмы и таким образом верифицируют тот факт, что ко времени записи данного материала выявленные переходы в фонетике калмыцкого языка еще не произошли; в случае отличия от прамонгольского и современного калмыцкого — как инновации, которые могут отражать диалектные черты. Выявление аналогичных изменений в других словарях может в дальнейшем комплексном исследовании дать основания предположить наличие особого диалекта калмыцкого языка в период создания этих словников, который не сохранился до наших дней.

Проблемы диалектологии калмыцкого языка XIX–XX вв. рассматривались в работах А. А. Бобровникова [Бобровников 1849], Н. Очирова [Очиров 2002], В. Л. Котвича [Котвич 1929], Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1963], Н. Н. Убушаева [Убушаев 1979; Убушаев 2006], Д. А. Павлова [Павлов 1968] и др.

В современной диалектологии общепринято деление калмыцкого языка на три основных говора (диалекта) — торгутский, дербетский и бузавский, и четыре торгутских подговора — цаатанский, оренбургский, уральский, хошутский [Убушаев 2006: 13–21]. Основные фонетические различия между калмыцкими говорами и подговорами представлены в таблице 1 ниже.

3. Соответствия гласных в словнике Г. Ф. Миллера

В словнике Г. Ф. Миллера были установлены следующие соответствия гласных звуков: Мил. *a*, *oi*, *o*, *ai*, *ä* — лит. калм. лит. *a*; Мил. *a*, *ä*, *e*, *ei*, *ai* — лит. калм. *ə*; Мил. *e*, *ä* — лит. калм. *e*, *э*³; Мил. *i*, *ij* и *e* — лит. калм. *u*; Мил. *o* (*nogon*) — лит. калм. *o*; Мил. *ö*, *ó*, *e*, *u* — лит. калм. *ø*; Мил. *u*, *o* — лит. калм. *y*; Мил. *u* — лит. калм. *y*. От современного калмыцкого языка отличаются следующие:

- 1) Мил. *e* — лит. калм. *ø* (ПМонг **e*): *meḡin* — *мөчн* (**mečin*) ‘обезьяна’;
- 2) Мил. *o* — лит. калм. *ø* (ПМонг **o*): *mori* — *мөрн* (**morin*) ‘лошадь’, *choni* — *хөн*

³ Единичный случай соответствия современного гласного *e* букве *i* составляет глагольная форма 2-го лица множественного числа *kineta* ‘делаете’.

¹ Нем. *chinesisches Steinspiel*.

² Нем. *Knöchelspiel*.

Таблица 1. Фонетические соответствия между калмыцкими говорами и подговорами и литературным языком

[Table 1. Phonetic correspondences between standard Kalmyk, its dialects and subdialects]

Торгутский	Хошутский	Цаганский	Оренбургский	Уральский	Дербетский	Бузавский
	то же, что торгутский	лит. калм. <i>ц</i> — цаат. <i>ч</i>	лит. калм. <i>х</i> — оренб. <i>к</i>	лит. калм. <i>л</i> — урал. <i>н</i>	лит. калм. <i>о</i> — дерб. <i>у</i>	лит. калм. <i>ээ</i> — буз. <i>аа</i>
		лит. калм. <i>з</i> — цаат. <i>й</i>	лит. калм. <i>в</i> — оренб. <i>б</i>	лит. калм. <i>һ</i> — урал. <i>з</i>	лит. калм. <i>ө</i> — дерб. <i>ү</i>	лит. калм. <i>ө</i> — буз. <i>э</i>
		лит. калм. <i>й</i> — цаат. <i>г</i>	лит. калм. <i>в</i> — оренб. <i>п</i>	лит. калм. <i>у</i> — урал. <i>и</i>	лит. калм. <i>у</i> — дерб. <i>у</i>	лит. калм. <i>ө</i> — буз. <i>о</i>
		лит. калм. <i>к</i> — цаат. <i>х</i>		лит. калм. <i>р</i> — урал. <i>л</i>	лит. калм. <i>в</i> — буз. <i>б</i>	лит. калм. <i>в</i> — буз. <i>б</i>
				лит. калм. <i>ч</i> — урал. <i>ц</i>	лит. калм. <i>э</i> — буз. <i>э</i>	лит. калм. — буз. <i>х</i>
				лит. калм. <i>һ</i> — урал. <i>н</i>		лит. калм. <i>х</i> — буз. <i>һ</i>

(*konin) ‘овца’, *korin* — *хөрн* (*korin) ‘двадцать’;

3) Мил. *ai* — лит. калм. *a* (ПМонг *ai): *tolai* — *туула* (*taulai) ‘заяц’, *gachai* — *хаха* (*gakaï) ‘свинья’;

4) Мил. *a* — лит. калм. *э* (ПМонг *a): *tabin* — *тэвн* (от *tabin) ‘пятнадцать’;

5) Мил. *e* — лит. калм. *ө* (ПМонг *ö): *detzin* — *дэчн* (*döçin) ‘сорок’, *derbe* — *дөрвн* (*dörben) ‘четыре’;

6) Мил. *ö* — лит. калм. *ү* (ПМонг *ü): *köökön* — *күүкн* (*keüken) ‘девочка, дочь’;

7) Мил. *ä* — лит. калм. *э* (ПМонг *e): *ägedöve* — *эдгэв* (*edege-) ‘выздоровел’;

8) Мил. *ä* — лит. калм. *e* (ПМонг *i): *käd* — *ке[һэ]д* (*kikü) ‘делать’;

9) Мил. *ä* — лит. калм. *э*: *billä* — *билэ* ‘был’;

10) Мил. *ä* — лит. калм. *a*: *ugä / uggä* — *уга* (*ügei) ‘не, частица отрицания’;

11) Мил. *o* — лит. калм. *у* (ПМонг *au): *soh* — *су* (*sau-) ‘садись’, *toh* — *му* (*tau) ‘плохой’, *jom* — *юн* (*yaun) ‘что’.

Первые три соответствия (*e* → *ө* (*e), *o* → *ө* (*o), *ai* → *a* (*ai)) определяются как архаичные черты калмыцкого языка, совпадающие с прамонгольской формой, которые были зафиксированы Г. Ф. Миллером. Относительно соответствия диграфа *ai* современному краткому [a] можно отметить,

что аналогичные соответствия отмечены и в других диграфах: см. Мил. *tologoi* — лит. *tolha* (*tolagaï), *togoi* — лит. калм. *моха* (*mogaï), *nochoi* — лит. калм. *ноха* (*nokaï). Соответствия *e* → *ө* (*ö), *ö* → *ү* (*ü), *ä* → *э* (*e), *o* → *у* (*au) демонстрируют отличие и от прамонгольских, и от современных литературных написаний, что может говорить об особенности калмыцкого языка XVIII в., зафиксированной в словарных материалах Г. Ф. Миллера, которая в современном языке не сохранилась. Используемый Г. Ф. Миллером знак *ä*, который, вероятнее всего, отражает звук, близкий современному калмыцкому [э], свидетельствует о том, что в рассматриваемый период данная фонема, не имевшая отображения в письменной речи (в «ясном письме»), в устной речи уже существовала. Соответствия Мил. *ä* — лит. калм. *э* / *e* (ПМонг *e) и Мил. *ä* — лит. калм. *a* могут указывать на диалектную особенность. Интересно отметить, что соответствия *e* → *ө* (*ö), *o* → *ө* (*o) совпадают с фонетическими особенностями, характерными для бузавского говора.

4. Соответствия согласных в словнике Г. Ф. Миллера

Что касается системы консонантизма калмыцкого языка XVIII в., представленной

в материалах Г. Ф. Миллера, были выявлены следующие соответствия с современным литературным калмыцким языком: Мил. *m* — лит. *m*, Мил. *n* — лит. *n*, Мил. *b* — лит. *b*, Мил. *b* — лит. *v*, Мил. *t* — лит. *m*, Мил. *d* — лит. *d*, Мил. *c* — лит. *x*, Мил. *ch* — лит. *x*, Мил. *k* — лит. *k*, Мил. *k* — лит. *x*, Мил. *g* — лит. *z*, Мил. *g* — лит. *h*, Мил. *s* — лит. *s*, Мил. *s* — лит. *z*, Мил. *s* — лит. *жс*, Мил. *ds* — лит. *жс*, Мил. *z* — лит. *ц*, Мил. *tz* — лит. *ц*, Мил. *tz* — лит. *ч*, Мил. *sch* — лит. *ш*, Мил. *sch* — лит. *ч*, Мил. *v* — лит. *v*, Мил. *r* — лит. *p*, Мил. *l* — лит. *л*, Мил. *č* — лит. *ч*. Как мы видим, фонетических отличий от литературного языка не так много¹, перечислим выявленные ниже:

1) Мил. *k* / *c* — лит. калм. *x* (ПМонг **k*): *korin* — *хөрн* (**kořin*) ‘двадцать’, *kogur* / *cojer* — *хойр* (**kojar* (?~ *koar*)) ‘два’, *connevo* — *хонв* ‘ночевал’, *burcan* — бурхн ‘Будда’;

2) Мил. *b* — лит. калм. *v* (ПМонг **b*): *gurba* — *гурвн* (**γurban*) ‘три’, *tabu* — тавн (**tabun*) ‘пять’, *arban* — *арвн* (**arban*) ‘десять’, *jobuja* — *йовья* (**yabu-*) ‘идти’;

3) Мил. *ds* / *s* — лит. калм. *жс* (ПМонг **j*): *dsera* / *seran* — *жсирн* (**jiran*) ‘шестьдесят’;

4) Мил. *tz* — лит. калм. *ч* (ПМонг **č*): *gutzy* — *гучн* (**gučin*) ‘тридцать’, *detzy* — *дөчн* (**döčin*) ‘сорок’;

5) Мил. *sch* — лит. калм. *ч* (ПМонг **č*): *sch* — *чи* (**či*) ‘ты’.

Установленные в материалах Г. Ф. Миллера соответствия отражают процесс перехода прамонгольского **k* (в записях Г. Ф. Миллера для передачи этого звука также используется графема *c*) в лит. *x*, поскольку в них встречаются формы одного и того же слова и с *k*, и с *x*, который транскрибируется Г. Ф. Миллером как *ch*: см. *chojor* / *choiür* / *kogur* ‘два’, *chori* / *kori* ‘двадцать’. Второе соответствие *b* → *v* также можно охарактеризовать как архаичную черту калмыцкого языка рассматриваемого периода. Стоит отметить, что в позиции аффикса глагольной

¹ К ним мы не относим соответствия Мил. *g* — лит. калм. *г* / *h* и Мил. *s* — лит. калм. *з*, которые скорее обусловлены особенностями графической передачи калмыцких звуков знаками немецкого письма, нежели отражают какое-либо фонетическое явление.

формы прошедшего времени 1-го лица звук *b* в устной речи начал переходить в *v*, о чем свидетельствуют примеры *connevo* ‘ночевал’, *agedöve* ‘выздоровел’, *allevo* ‘убил’, *tüzservo* ‘устал’. Эти факты подтверждаются самыми ранними источниками на «ясном письме» — письмами калмыцких ханов, датируемыми XVIII в. Д. А. Сусеева, занимавшаяся исследованием данных памятников, называет звук *v* «потенциальной фонемой», не обладавшей в рассматриваемый период статусом самостоятельной фонемы [Сусеева 2011: 27]².

Соответствия Мил. *ds* / *s* — лит. калм. *жс* (ПМонг **j*), Мил. *tz* — лит. калм. *ч* (ПМонг **č*), Мил. *sch* — лит. калм. *ч* (ПМонг **č*) могут представлять способ записи звуков [ж], [ц] и [ч] либо отражать одну из диалектных особенностей калмыцкого языка XVIII в. Чтобы исключить вероятность того, что это лишь способ записи, рассмотрим, используются ли другие графемы для передачи данных звуков. В материалах Г. Ф. Миллера сочетание *ds* встречается только в одном слове *dsera* ‘шестьдесят’, графема *s* же используется для передачи звуков [з] (Мил. *so* — лит. *зун*, Мил. *surga* / *ssurgan* — лит. *зурхан*, Мил. *soos* — лит. *зос*) и [с] (*sosan*, *gessu*). Это позволяет предположить, что диграф *ds* обозначает звук [з]. Несмотря на то, что небольшой объем словника Г. Ф. Миллера не позволяет делать окончательные выводы, аналогичные материалы других немецких исследователей (таких как Ф. И. Страленберг, И. П. Фальк и др.), опубликованные в книге Г. Дёрфера, поддерживают это предположение. Сочетание *tz*, вероятно, представляет один из способов записи звука [ц], для которой Г. Ф. Миллер также использует графему *z* (например, *zagan* ‘белый’ — лит. калм. *цахан*). Диграф *tz* встречается только в словах *gutzy* ‘тридцать’, *detzy* ‘сорок’ и производных от них количественных числительных (31, 32 и т. д., 41, 42 и т. д.); для передачи звука ч Г. Ф. Миллер использует лигатуру *č* (см. *mečin*). Таким образом, ввиду

² В текстах, относящихся к началу XX в., [в] уже приобретает самостоятельный статус, причем соответствие *b* – *v* имеет диалектный характер (см., например, [Баянова и др. 2016: 134]).

наличия специального знака для звука [ч] и использования графемы *z* для передачи звука [ц] маловероятно, что сочетание *tz* могло использоваться для передачи звука [ч], и, скорее всего, оно обозначало звук [ц].

Для сравнения приведем примеры из материалов других немецких исследователей, зафиксировавших калмыцкую устную речь XVIII в.: Ф. И. Страленберг для передачи звука [ц] также использует *z / tz* (см. *tzasso / zassu* — лит. калм. *цаасн* ‘бумага’), для [ч] — сочетание *tsch / tzch* (*temaetschi* — лит. калм. темэч ‘сторож для верблюдов’, *altatzchi* — лит. калм. *алтч* ‘золотых дел мастер’). Кроме того, у него встречаются примеры соответствия литературному [ч] графем *ts* [ц] и *sch* [ш]: см. *tzunno / tzionu* — лит. калм. *чон* ‘волк’, *bitziachan / bitzechan / bytzychan* — лит. калм. *бичкн* ‘маленький’, *bitziatzchi* — лит. калм. *бичэч* ‘писарь’¹; *artzul* — лит. калм. *альчур* ‘платок’, *abschi* — лит. калм. *авч* ‘взяв’. И. П. Фальк передает [ч] с помощью сочетания *tsch*, [ц] — *ts* (*tsunuk* — лит. калм. *цуунг* ‘свекла’, *zarza* — лит. калм. *царс* ‘дуб’, *tsetsen* — лит. калм. *цецн* ‘еж сибирский’). У него встречаются примеры соответствий *tsch* [ч] литературному [ц] (*tschangis* — лит. калм. *цаңһс* ‘клюква мелкоплодная’, *tschagan / tsahan* — лит. калм. *цаһан* ‘белый’), *sch* [ш] — литературному [ч] (*bischkan* — лит. калм. *бичкн* ‘маленький’); у Ю. Г. Клапрота встречаем два написания слова ‘волк’ в языках олётов Волги (В) и Джунгарии (Дж) — *zono* (В) / *чонó* (Дж), которые свидетельствуют о том, что в языке волжских олётов имелось соответствие ц — лит. калм. ч, что подтверждается материалами других исследователей. Современные исследования в области калмыцкой диалектологии показывают, что для цаатанского подговора характерно соответствие ч — лит. калм. ц; материалы Г. Ф. Миллера, Ф. И. Страленберга, И. П. Фалька, Ю. Г. Клапрота и других свидетельствуют о существовании в калмыцком языке XVIII–XIX вв. и обратных фонетических соответствий, которые могли носить диалектный или, возможно, наддиалектный (общезыковой) характер.

¹ Данный пример интересен тем, что в нем встречаются и звук [ч], и звук [ц], которые на письме обозначены разными способами.

Здесь стоит упомянуть о том, что в классическом «ясном письме», получившем свое название благодаря тому, что в нем устранялась многозначность многих букв классического монгольского алфавита, тем не менее остались две графемы, которые могли читаться двояко, — *c / č* и *ǰ / z*. Как отмечает Д. А. Павлов, они «различались либо орфографическими средствами, в зависимости от позиции (перед гласным и означал [ж] и [ч], перед прочими гласными — [з] и [ц]), либо в соответствии с нормами устного произношения (*чоно* ‘волк’, *цусун* ‘кровь’)» [Павлов 2000: 76–77]. На наш взгляд, полифоничность данных двух знаков может говорить о существовании в период создания Зая-пандитой «ясного письма» разных диалектов ойратского языка, в которых имелись соответствия *ц–ч*, *ж–з*, и отсутствовала единая литературная норма, которую письменность должна была бы зафиксировать. Д. Кара предполагает, что «ясное письмо» создавалось не только для ойратов и подразумевалось как новая общемонгольская письменность, и по этой причине в нем не нашло отражение ойратское развитие аффрикат [Кара 1972: 82].

5. Соответствия гласных в словнике Б. Бергмана

В словнике Б. Бергмана были установлены следующие соответствия гласных звуков: Бергм. *a* — лит. *a*; Бергм. *a, ä, e, ai / aj, ö* — лит. *ə*; Бергм. *e, ä, ö* — лит. *e*; Бергм. *i* — лит. *i*; Бергм. *o, u* — лит. *o*; Бергм. *ö, oe, ü, ä* — лит. *ø*; Бергм. *u, o, oo* — лит. *y*; Бергм. *ü, ue, u, ä, oe, oo, i* — лит. *y*, Бергм. *e, ä, ae* — лит. *э*. От современного калмыцкого языка отличаются следующие:

1) Бергм. *ae* — лит. калм. *э* (ПМонг *e): *aemtschi* — *эмч* (от *em) ‘врач’, *aesän lama* — *эзн лам* (*ejen) ‘лама-владыка’, *aezägijn* — *эцкин* (от *ečige) ‘отца’;

2) Бергм. *ä* — лит. калм. *e* (ПМонг *e): *mändu* — *менд* (*mendü) ‘здоровье’, *gärr* — *гер* (*ger) ‘дом’, *dädschi* — *дееж* (от *deere) букв. ‘вверху, верхнее’, ‘подношение’;

3) Бергм. *a* — лит. калм. *э* (ПМонг *a): *takilijn* — *тэклин* (от *takī-) ‘для подношения’, *tschigan* — *чигэн* ‘кумыс’;

4) Бергм. *ai* — лит. калм. *ə* (ПМонг **ay*): *baisa* — *бээж* (от **bayi-*) ‘быть, ждать’;

5) Бергм. *ä* — лит. калм. *y*: *bäschmät* — *бүшмүд* ‘нижнее белье’;

6) Бергм. *o* — лит. калм. *ø* (ПМонг **o*): *morin* — *мөрн* (**moḡin*) ‘лошадь’;

7) Бергм. *u* — лит. калм. *y* (ПМонг **u*): *chubilgan* — *хүвлһн* (от **kubil-*) ‘форма, во- площение’;

8) Бергм. *i* — лит. калм. *y*: *schitän* — *шутн* ‘опора’;

9) Бергм. *ue* — лит. калм. *y*: *ueriüß* — *үрүс* ‘празднество с 8-го по 15-й дни первого летнего месяца, в честь рождения Будды’;

10) Бергм. *oo* — лит. калм. *y*: *sakooßän* — *сэкусн* ‘хранитель, защитник’;

11) Бергм. *oo* — лит. калм. *y*: *adoon* — *адун* ‘стадо’, *тоо* — *му* ‘плохой’, *jassool* — *ясул* (?) ‘воинский чин’;

12) Бергм. *oo* — лит. калм. *y*: *toodschi* — *тууж* ‘повесть’, *doonäi* — *дууна* ‘песенный’, *tooli* — *тууль* ‘сказка, сказ’;

13) Бергм. *oe* — лит. калм. *ø*: *oergö* — *өргэ* ‘ставка’;

14) Бергм. *ü* — лит. калм. *ø*: *mütza* — *мөч* ‘миг, мгновение’.

Стоит отметить, что в словнике Б. Бергмана зафиксированы соответствия современным гласным [je] и [e], различающиеся между собой, что не встречается в материалах Г. Ф. Миллера: в частности Б. Бергман использует сочетание *ae* только для передачи звука [e], не [je] (см. *aesägä* — лит. калм. *эсгэ*, *aemtschi* — лит. калм. *эмч*, *aerdäni* — лит. калм. *эрднь*). Соответствия *a* — лит. калм. *ə* и *ai* — лит. калм. *ə* соответствуют выводам Д. А. Павлова об образовании в калмыцком языке долгого [э] как самостоятельной фонемы из двослога *ay* и дифтонга *ai* и краткого [э] как результата эволюции гласного [i] в непервых слогах [Павлов 2000: 117–118]. Соответствия *u* — лит. калм. *y* и *i* — лит. калм. *y* можно охарактеризовать как архаичные черты, сохранившиеся в калмыцком языке начала XIX в., когда еще не полностью завершился процесс перелома гласного [i] (возможно, в отдельных диалектах), о чем говорит написание *schitän* (от монг. *šitügen* ‘опора’), в котором сохраняется гласный [i] первого слога, который

под влиянием гласного второго слога [ü] в современном языке переходит в [y].

Можно предположить, что соответствия *ue* — лит. калм. *y* и *oe* — лит. калм. *ø* относятся к особенностям графической передачи мягких лабиальных гласных и не отражают какие-либо фонетические особенности устной речи рассматриваемого периода. Соответствия *oo* — лит. калм. *y* и *uu* могут отражать диалектную особенность дербетского говора, которая частично сохранилась и в современном языке. Н. Н. Убушаев в качестве одного из отличительных признаков дербетского говора указывает наличие среднего лабиального гласного [o] в твердоядных словах перед губно-губными согласными [м], [в] и пр. вместо литературного [y] [Убушаев 2006: 17]. Вполне вероятно, что Б. Бергман, отправившийся в калмыцкие степи из Сарепты и проживший там пятнадцать месяцев, зафиксировал именно дербетский говор, поскольку эта территория относится к ареалу его распространения.

6. Соответствия согласных в словнике Б. Бергмана

На материале словника Б. Бергмана установлены следующие соответствия с современным литературным калмыцким языком: Бергм. *t* — лит. калм. *м*, Бергм. *n*, *nn* — лит. калм. *н*, Бергм. *b* — лит. калм. *б*, Бергм. *b* — лит. калм. калм. *в*, Бергм. *t* — лит. калм. *т*, Бергм. *d* — лит. калм. *д*, Бергм. *ch* — лит. калм. *х*, Бергм. *k / ck* — лит. калм. *к*, Бергм. *k / ck* — лит. калм. калм. *г*, Бергм. *k* — лит. калм. *h*, Бергм. *k* — лит. калм. *х*, Бергм. *g* — лит. калм. *г*, Бергм. *g* — лит. калм. *h*, Бергм. *g* — лит. калм. *к*, Бергм. *s / ss / ß* — лит. калм. *с*, Бергм. *s / ss / ß* — лит. калм. *з*, Бергм. *z / tz* — лит. калм. *ц*, Бергм. *tz* — лит. калм. *ч*, Бергм. *sch* — лит. калм. *ш*, Бергм. *sch* — лит. калм. *ч*, Бергм. *tsch* — лит. калм. *ч*, Бергм. *dsch / tsch* — лит. калм. калм. *ж*, Бергм. *w / v* — лит. калм. *в*, Бергм. *r / rr* — лит. калм. *р*, Бергм. *l / ll* — лит. калм. *л*. Из перечисленных фонетические отличия следующие:

1) Бергм. *b* — лит. калм. *в*: *chubarak* — *хуврг* ‘монах’, *schalburr* — *шалвр* ‘штаны’, *chabung* — *халвң* ‘вид головного убора’;

2) Бергм. *tz* — лит. калм. *ч*: *mütza* — *мөч* ‘миг, мгновение’;

3) Бергм. *sch* — лит. калм. *ч*: *schimäk* — *чимг* ‘украшение’;

4) Бергм. *k* — лит. калм. *х*: *chudolköllökö* — *худл келх* ‘врать, говорить неправду’.

Они совпадают с соответствиями, выявленными в материалах Г. Ф. Миллера, что может говорить о том, что в словниках Г. Ф. Миллера и Б. Бергмана либо зафиксирован один диалект, либо выявленные соответствия носят наддиалектный характер, причем стоит учитывать, что записи Г. Ф. Миллера и Б. Бергмана разделяет временной промежуток в 30 лет, на протяжении которого установленные фонетические особенности сохранялись в калмыцком языке. Относительно последнего соответствия *k* — лит. калм. *х*, можно отметить, что в словарных материалах Б. Бергмана оно сохраняется только в передаче аффикса причастия будущего времени *-х* (классич. ойр. *-kii*), который передается через *-kö*, причем это касается только мягкорядных основ, т. е. аффикс для основ твердого ряда *-х* (классич. ойр. *-xi*) транскрибируется по другому — как *-cho* (см. *galtaicho* — лит. калм. *һал тәәх, taβolcho* — лит. калм. *таслх, abcho* — лит. калм. *авх*). Интересно, что то же самое явление встречается у П. С. Палласа (см. *идеку́, гюбдю́кю́, зю́юку, но: цокоху́, му-болху, чанаху́*) и Ю. Г. Клапрота (см. *keleku, idekü, biçiku, но: ondacho*).

7. Заключение

Сравнение вышеприведенных материалов со словниками П. С. Палласа и Ю. Г. Клапрота, также опубликованными Г. Дёрфером, показывает, что соответствия *o* — лит. калм. *ө, ai* — лит. калм. *a, u* — лит. калм. *у*, совпадающие с прамонгольскими рефлексациями и соответственно определяемые нами как архаичные черты калмыцкого языка, обнаруживаются во всех словниках, датируемых с 1760 г. (словник Г. Ф. Миллера) по 1823 г. (словник Ю. Г. Клапрота). Соответствия *e* — лит. калм. *ө* (ПМонг **ö*), *ä* — лит. калм. *e, ü* — лит. калм. *ө, o* — лит. калм. *у*, которые отличаются как от прамонгольского, так и от современного калмыцкого, можно охарактеризовать как инновационные процессы, также присутствуют во всех

словниках, что позволяет предположить, что они были характерны для калмыцкого языка второй половины XVIII – первой половины XIX в. в целом, а не для отдельных диалектов.

Соответствие *ä* — лит. калм. *a*, зафиксированное в словнике Г. Ф. Миллера, не обнаружено в других словарях и может представлять диалектную особенность: например, в современном дербетском говоре в качестве одной из отличительных черт выступает употребление в непервых слогах широкого нелабиального согласного [э] дифтонгического происхождения [Убушаев 2006: 18]. Установленное в словнике Б. Бергмана соответствие *ä* — лит. калм. *у* также не встречается в других словарях и не имеет аналогов в современных диалектах калмыцкого языка.

Что касается системы консонантизма, соответствие *k / c* — лит. калм. *х* в корневой основе встречается только у Г. Ф. Миллера, в словнике Б. Бергмана, как и в словниках П. С. Палласа и Ю. Г. Клапрота, оно установлено только в написании аффикса причастия будущего времени *-kö*. Кроме того, присутствие в словнике Г. Ф. Миллера двух вариантов написания слов с *k* и *ch* (*kogur / chojor, kori / chori*) указывает на то, что эта архаичная черта в калмыцком языке начала стираться в 1760-е гг. и к началу XIX в., т. е. ко времени написания Б. Бергманом труда по калмыкам, уже практически исчезла, за исключением остаточного проявления в произношении глагольного аффикса. Соответствия *tz* — лит. калм. *ч* и *sch* — лит. калм. *ч* зафиксированы как у Г. Ф. Миллера, так и у Б. Бергмана, что, на наш взгляд, позволяет рассматривать их как фонетические особенности калмыцкого языка рассматриваемого периода. Первое также встречается в словнике Ю. Г. Клапрота, пример из которого (В. *zono* — Дж. *чонó*) показывает разницу между произношением олётов Джунгарии и Волги. Таким образом, можно предположить, что это соответствие носило наддиалектный характер, в отличие от соответствия *sch* — лит. калм. *ч*, которое в других словниках (за исключением словника И. П. Фалька) не обнаружено.

Некоторые архаичные черты, выявленные в словниках и Г. Ф. Миллера, и Б. Бергмана, наблюдаются в отдельных говорах современного калмыцкого языка: например, соответствия *б* — лит. калм. *в*, *э* — лит. калм. *ө*, *о* — лит. калм. *ө* встречаются в бузавском говоре, соответствие *б* — лит. калм. *в* — в оренбургском подговоре, соответствие *и* — лит. калм. *у* — в уральском подговоре [Убушаев 2006: 15–16, 32, 34]. Соответствия лабиальных гласных *ö* — лит. калм. *у*, *о* — лит. калм. *у*, *оо* — лит. калм.

у характерны для дербетского говора, который в калмыцкой диалектологии поэтому и принято называть [о-, ө-] говором [Убушаев 2006: 13]. В рамках проведенного исследования представляется перспективным дальнейшее изучение языковых материалов И. П. Фалька, Ф. И. Страленберга и других авторов, включенных в издание Г. Дёрфера, для описания особенностей фонетической системы калмыцкого языка второй половины XVIII – начала XIX вв. в сравнении с современным состоянием.

Список сокращений

Бергм. — Бергман;
буз. — бузавский говор;
дерб. — дербетский говор;
классич. ойр. — классический ойратский язык;
лит. калм. — литературный калмыцкий язык;
Мил. — Миллер;
монг. — монгольский язык;

нем. — немецкий язык;
оренб. — оренбургский подговор;
ПМонг — прамонгольский язык;
санскр. — санскрит;
тиб. — тибетский язык;
урал. — уральский подговор;
цаат. — цаатанский подговор.

Литература

- Баянова и др. 2016 — Баянова А. Т., Куканова В. В., Бутаева А. О., Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: особенности разговорного стиля // *Oriental Studies*. 2016. Т. 9. № 3. С. 129–139. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-129-139
- Бембеев 2015 — Бембеев Е. В. Сравнительный анализ «ранних» лексикографических памятников старописьменного калмыцкого языка в свете разработки морфологического анализа // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*. 2015. № 4. С. 107–115.
- Бембеев, Куканова 2014 — Бембеев Е. В., Куканова В. В. Электронные лексикографические базы данных калмыцкого языка // *Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.)*. Элиста: Кал мГУ, 2014. С. 210–216.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1849. 400 с.
- Владимирцов 1929 — Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л.: Ленинградск. Вост. Ин-та, 1929. 436 с.
- Долеева, Куканова 2024 — Долеева А. О., Куканова В. В. Калмыцкий словарь Ю. Г. Клапрота: графо-фонетический анализ графем а и ä // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 644–663. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

References

- Bayanova A. T., Kukanova V. V., Butaeva A. O., Goryaeva B. B. Kalmyk Fairy Tales as Recorded by G. Ramstedt: Peculiarities of the Conversational Style. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 3. Pp. 129–139. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-129-139
- Bembeyev E. V. The comparative analysis of the “early” lexicographic monuments of the old-written Kalmyk language in the light of the development of the parsing program. *Vestnik of Tuva State University. Pedagogical Sciences*. 2015. No. 4. Pp. 107–115. (In Russ.)
- Bembeyev E. V., Kukanova V. V. Digital Kalmyk lexicographic databases. In: *Topical Issues of Contemporary Mongolian and Altaic Studies. Jubilee conference proceedings (Elista, 10–13 November 2014)*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2014. Pp. 210–216. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 400 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Khalkha and Classical Mongolian: A Comparative Grammar. Leningrad: Leningrad Oriental Institute, 1929. 436 p. (In Russ.)
- Doleeva A. O., Kukanova V. V. Kalmyk Dictionary by Yu. G. Klapproth: Graphic and Phonetic Analysis of the Graphemes A and Ä. *Oriental Studies*. 2023; 17(4): 644–663. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-73-3-644-663

- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 229 с.
- Кичиков 1963 — *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 86 с.
- Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Калм. комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, 1929. 418 с.
- Куканова 2013 — *Куканова В. В.* О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского ИЦ РАН, 2013. С. 209–212.
- Куканова и др. 2012 — *Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.* Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Куканова и др. 2013 — *Куканова В. В., Бембеев Е. В., Музраева Д. Н.* К вопросу о кодировке UNICODE графической системы «тодо бичиг» и создании базы данных текстов на старокалмыцком языке // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 3. С. 65–75.
- Куканова, Бембеев 2012 — *Куканова В. В., Бембеев Е. В.* К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. El' Manuscript-2012: мат-лы IV междунар. науч. конф. (г. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.) / отв. ред.: В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. Петрозаводск, Ижевск: Петрозаводский гос. ун-т, 2012. С. 146–149.
- Манджиева, Куканова 2023 — *Манджиева И. Б., Куканова В. В.* Калмыцкий словарь в работе П. С. Палласа: графо-фонетический анализ гласных // *Oriental Studies*. 2023. № 6. С. 1637–1661. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661
- Мирзаева, Долеева 2022 — *Мирзаева С. В., Долеева А. О.* Обработка словарей старокалмыцкого языка на платформе Lingvodoc: предварительные результаты // *Oriental Studies*. 2022. № 5. С. 1159–1172. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Митруев 2020 — *Митруев Б. Л.* Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149–175. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175
- Kara D. Books of Mongolian Nomads: The Seven Centuries of Mongolian Writing. Moscow: Nauka, 1972. 229 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. The Dorbet Dialect: A Study in Phonetics and Morphology. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 86 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. A Grammar of Spoken Kalmyk. Second edition. Āevnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1929. 418 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V. On the Kalmyk National Corpus. In: Topical Issues of Dialect Studies in Russia. Conference proceedings (Ufa, 13–14 September 2013). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2013. Pp. 209–212. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. National Corpora of the Kalmyk Language: Architecture and prospects of usage. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Muzraeva D. N. On the question of UNICODE encoding of “Todo Script” graphics system and creating of a database of texts on Old-Kalmyk language. *Bulletin of Kalmyk University*. 2013. No. 3. Pp. 65–75. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeev E. V. More on digital Kalmyk dictionaries. In: Baranov V. A., Varfolomeev A. G. (eds.) El' Manuscript-2012: Information Technologies and Written Heritage. Conference proceedings (Petrozavodsk, 3–8 September 2012). Petrozavodsk, Izhevsk: Petrozavodsk State University, 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)
- Mandzhieva I. B., Kukanova V. V. Kalmyk word list in Linguarum Totius Orbis Vocabularia Comparativa by P. S. Pallas: A graphophonetic analysis of vowels. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1637–1661. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1637-1661
- Mirzaeva S. V., Doleeva A. O. LingvoDoc platform to process dictionaries of Old Kalmyk: Preliminary results reviewed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1159–1172. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Mitruiev B. L. B. Bergman and his work on the Kalmyks and Kalmyk culture. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 149–175. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175

- Мулаева 2012 — *Мулаева Н. М.* Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении российской государственности: мат-лы региональн. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 187–191.
- Очиров 2002 — *Очиров Н.* Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 54–64.
- Павлов 1968 — *Павлов Д. А.* Современный калмыцкий язык (фонетика и графика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 237 с.
- Павлов 2000 — *Павлов Д. А.* Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. 2-е изд. Элиста: КалмГУ, 2000. 285 с.
- Сусеева 2011 — *Сусеева Д. А.* Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 200 с.
- Убушаев 1979 — *Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 196 с.
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: НИИ «Джангар», 2006. 256 с.
- Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Ältere Westeuropäische Quellen Zur Kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) // Asiatische Forschungen. T. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p.
- Müller 1758 — *Müller G. F.* Sammlung russischer Geschichte. Bd. 3. St. Petersburg: Kaiser. Akademie der Wissenschaften, 1758. 612 s.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages (Thesis). Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (LOT dissertation series).
- Mulaeva N. M. Parmen Smirnov's Russian-Kalmyk dictionary as a source to investigate Kalmyk vocabulary. In: Kalmyk Impacts to the Strengthening of Russian Statehood. Jubilee conference proceedings (Elista, 29 November 2012). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2012. Pp. 187–191. (In Russ.)
- Ochirov N. Journey to Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky uluses of Astrakhan Kalmyks. In: Ochirov N. Selected Works. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 54–64. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Phonetics and Graphics of Modern Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 237 p. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Standard Kalmyk: Issues of History and Structure. Second edition. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2000. 285 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Eighteenth-Century Kalmyk Grammatical Structure: Morphology and Morphology (Analyzing Letters by Kalmyk Rulers and Their Contemporaries). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 200 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 196 p. (In Russ.)
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Doerfer G. Ältere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827) [Asiatische Forschungen 18]. Bonn, Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. 253 p. (In Germ.)
- Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1758. 612 p.
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Thesis. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)

